

ТРИ ПОЭТА

Отклик на книги Сергея Чернопятова «Падение исключено!», Юлии Сычёвой «Вне времени», Ольги Хапиловой «Заповедное русское слово». Декабрь 2018 года – январь 2019 года.

Когда проживаешь самый короткий день и самую длинную ночь в году, а за окном вторые сутки завывает жуткая метель, то невольно хочется чего-то яркого. Вот так в последние дни уходящего года в ожидании наступления нового, светлого времени сделала выбор – из трёх поэтических сборников первым решила прочесть тот, что имел почти «апельсиновую корку» – тёплую, солнечную, одним словом, летнюю обложку да ещё с парящей чайкой на фоне золотисто-песочного неба.

Третья книга Сергея Чернопятова «Падение исключается...» или всё же «Падение исключается!» состоит из пяти частей. Член Союза писателей России В. С. Арнаутов во вступлении «От составителя» сказал о поэзии Чернопятова – «это не модная ныне абстракция и заумная образность», главное в ней «публицистичность, выдержанная в лучших классических традициях». Высок ли градус патриотичности и гражданственности в стихах Сергея Чернопятова, судить не берусь. Прочтите стихотворение «Наблюдения в детсаду», и этот самый градус определится сам собой. Глубинную суть стихов, написанных на злобу дня, поймут только русские люди, точно так же, как иронично-шаржевые посвящения будут в большей степени близки и понятны друзьям и студийцам «Притомья». Из эпиграфов, что предваряют многие стихи, становится ясно, что Сергей Васильевич с книгой дружит с самого детства и она, «ровесница», «до дыр протёрта и разбухла». И пусть герои книг и кинофильмов уже «ушли к звёздам млечной тропы», но они до сих пор в сердце автора, а его память частенько «окунается» в детство – «а память моя срочно вдруг в детство окунулась». И такие «окунания» способствуют рождению сравнений, позволяющих переходить с житейской плоскости в философскую сферу. Невозможно остаться равнодушным от пронзительных стихотворных строк «Ко Дню Победы», «Реплика провинциала» или «Юрию Дубатову», потому что автор всей душой болеет за своих несправедливо обиженных и униженных героев. Очаровало стихотворение «Очарованный повар» – легко, светло, «очень вкусно»! Есть ещё одно стихотворение, на которое обратила внимание в связи с возникшей недавно дискуссией в СМИ и прошедшим заседанием Совета по культуре. Называется оно «Эпитафия русскому мату».

Убойный мат всегда броней
Нам был... А ныне её сняли –
Как будто вновь перед войной
Весь комсостав наш растреляли.

Не знаю, как насчёт «комсостава», но «сняли броню» – это точно! Размытость границ дозволенности устранила нравственные ориентиры и ограничения не только в речи, но и в поступках и поведении людей. Ненормативная лексика, ставшая у многих атрибутом повседневной жизни, привела к потере её ядрённости и магической силы. Крепкие выражения, произносимые в нестандартных ситуациях, служили порой тем самым спусковым крючком, который способен был мгновенно встряхнуть человека гораздо эффективнее, чем любые уговоры и посулы. Кто-то из журналистов заметил, что не сумели сберечь русский мат – национальное и неоценённое по своей силе психологическое оружие, что, употребляя без всякой надобности, растратили его походя. И это в то время, когда идёт мощнейшая информационная война!

Десять коротких рассказов-зарисовок вошли в последнюю главу книги. Из них узнаёшь, что автор – заядлый футбольный болельщик, заботливый и любящий сын, муж, отец, дед, талантливый человек, удостоенный литературной премии! «Окунув» читателя в детство, автор знакомит его со своими школьными друзьями-приятелями. Живым, эмоциональным языком написаны все истории. И становится ясно, что рассказчик – добрый, душевный человек.

Глубинно-синяя, звёздно-космическая бесконечность, начинающаяся сразу же за дверью вагона метро или городского троллейбуса, украсившая обложку сборника Юлии Сычёвой, соответствует его названию – «Вне времени». Что значит – вне времени? Вне границ чего-то обыденного, знакомого, всем известного, привычного? А если попытаться выйти за эти границы? Что там, за дверью дребезжащего трамвая? Просто городская улица или неизведанное космическое пространство? И близки друг другу эти два измерения, и нет, если хорошо присмотреться – между ними никакой границы. Не каждому дано увидеть в простой житейской суеде и маете космические дали, не каждый задумается над вечными вопросами: «кто я?», «зачем и для чего?»

живёшь вне времени в затерянной деревне
как вдруг весной оглянешься и вот
захочется каких-то обновлений
задумаешь какой-нибудь ремонт

Просто? Да, просто! И такая простота пронизывает все стихи в сборнике. За этой кажущейся простотой, доступностью, лёгкостью строк простирается душевный космос автора стихов. И читая, улавливаешь иронию, грусть, щемящую боль о невозвратности прошедшего времени и понимаешь, что всё, о чём говорит автор, – вне времени, а значит – всегда!

«Заповедное русское слово» Ольги Хапиловой стало третьим прочитанным сборником. Долго вслу-

шивалась в название, настораживало слово «заповедное». Если оно от «заповедника», то там, в заповедных местах, обязательно должна быть нетронутая цивилизацией первозданность. В заповеднике Ольги Хапиловой не счесть истинно русских слов – чистых, красивых, но забытых: *приснопамятный, пращур, внемли, убиенный, горечавки, тенёт, испокон, морось, квёлы, доселе, бремя, персты, десница, уста, млеть, сердешный, ранешный, бедовать, обронить, внемли, калики, нонече, зга, паки, супротив, снегостав, хлебозоры, терновый, чертогах, горний, проказить, откушать, лобызать, глава, болезный, поскотный*. А выражения? Они тоже из этого – заповедного: *народец поруганный, словечки охальные, забыли – отринули, говорить – приговаривать, дымка каждения, ризы смальтовые, сквернил лаем, пресловутая тайна, аки по суху древле, куражился бражник*.

Красивы многочисленные поэтические образы: «сугроб» из облаков, «будто стог смётан», «в бараки сбит лес когтями скоб», «не дрожит накрахмаленный лист», «веера крыл сорочьих оттиски и нарыск», «мокрой порванной ватой покрыты холодные ветви – акварельный эскиз, прорисованный в небе седом», «запуталась радуга, лист крася, будто в неводе щука, в ветвях клёна», «снег шелестит, как будто тонкой покрыт слюдой».

Как правильно заметила Ольга в своём стихотворении «Русское слово»: «*Чтобы прочувствовать верное русское слово – нужно прислушаться к шелесту лип и берёз*». Без понимания и принятия душой русской природы невозможно понять суть и красоту русского слова, и только тогда «слово *щемящее* ляжет на чистый бумажный листок». Кто, как сохранил, сберёг «заповедное русское слово»? И Ольга отвечает – береста. И пусть она «*только с первого взгляда проста, / дратвой шитая грубо, сурово, / но надёжно хранит береста / заповедное русское слово*». Так, может, слово «заповедное» имеет смысл «заповедь»? Может, недаром последнее время люди настойчиво стали интересоваться историей, искать свои корни, своих предков, составлять родовые древа? Ольге удалось найти ответы на эти вопросы в стихах – «Хлебозоры», «Алтай», «Богатыри».

Так оставили нам всё-таки заповедь предки? Найдём ли когда-нибудь заповедную страну Беловодье?

«А дотуда дойдёт, кому Бог отдал. / А дотуда дойдёт, кто лицом светел, / Кто от юности уст не сквернил лаем». Слышите какая напевность? Какая сказочность? О чём пропоёт мне, читателю, сказочный гусляр, какими «заповедными русскими словами» наполнит своё повествование? А вот какими:

*Есть слова, что всегда с послевкусием тают во рту,
Будто мёдом облитый душистый и пышущий мякиш.
Как пронзают умы те слова за всполохом всполох –
А казалось бы, что там, слова, без прикрас, без узоров!*

Прочитаны все три поэтических сборника – разных по своему содержанию, разных, но, безусловно, талантливых авторов. А моя копилочка знакомств с кузбасскими поэтами пополнилась ещё тремя именами.

Р. С.

Нечаянная радость ждала меня в январе – три книги Сергея Васильевича Чернопятова. Читала и удивлялась, а удивившись, читала дальше. Но не могла себе даже представить, что фразой про *глубинную суть стихов, написанных на злобу дня*, фактически угадала название четвёртой книги Сергея Васильевича! И могу теперь продолжить. Если вам когда-нибудь захочется узнать о тех событиях, которые случились в мире, то не трудитесь листать подшивки газет, а просто читайте стихи Сергея Чернопятова. Прочитайте и те стихи, в которых Сергей Васильевич «разговаривает» с поэтами и писателями, и они предстанут перед вами не строгими и великими, как на портретах, что висели на стене в кабинете литературы, а как «социализм с человеческим лицом».

А если следовать терминологии Вадима Кожинова в книге «Как пишут стихи», где даётся определение стихотворной «беллетристики», то смею полагать, что стихи Сергея Чернопятова являются именно таковыми. Они «несут в своём содержании так называемую иллюстративность, прямолинейность отклика на текущие события, обнажённую эффектность фраз, известную поверхностность». А если это «Т-А-А-К», то «и строки мои, как реки...». Удивляйте нас, читателей, Сергей Васильевич, и дальше! Удаchi!

Татьяна ГОРОХОВА,

г. Топки

